

Е. А. КУЛАКОВА

СОЧИНЕНИЯ БРИТАНЦЕВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ В РОССИЮ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В статье анализируются сочинения британцев о поездках в Россию в 1820–1840-х гг. Показано, что этническая принадлежность западноевропейских путешественников не столько определяла различия в их восприятии России и характера русских, сколько обуславливала цели опубликования травелогов и способ подачи материала. Особое внимание уделяется изучению мотивов публикации «путешествий», использования трафаретных сюжетов и своеобразия художественных приемов.

Ключевые слова: *травелог, британцы, путешествия в Россию.*

В XIX в. акт путешествия для англичан был тесно связан с написанием «путешествия»¹. В. М. Гуминский указал, что популярность этого жанра в Великобритании объяснялась «развитой географической прозой, в которой традиции документальной литературы эпохи Великих географических открытий были особенно сильны»². Распространение в начале XIX в. романтического мировоззрения и одновременно оформление индустрии туризма способствовали тому, что сочинения о путешествиях имели широкий спрос. В популярных журналах *Edinburg Review* и *Quarterly Review* регулярно появлялись комментарии и дискуссии о том или ином «путешествии». В журнале *The Globe and Traveller* («Мир и путешественник») помещались отчеты о путешествиях, рассказы о разных странах, обзоры травелогов. Корреспондент «Сына Отечества» И. Головин в 1838 г. писал, что путешествие стало своего рода модой; при этом наблюдения и описания той или иной страны можно было получить «за весьма скромную цену», тогда как поездка в чужие края стоила страннику «много – очень много»³.

Предметом нашего рассмотрения станет жанр травелога, под которым подразумеваем сочинение о реальном (или претендующем на действительно совершенное) путешествии, оформленное в виде рассказов, дневников, писем. На материале сочинений британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX в. мы рассмотрим сложившуюся традицию

---

¹ Необходимо разделять акт совершения поездки, странствование (путешествие) и жанр травелога, описания путешествия («путешествие»).

² Гуминский. 1987. С. 132.

³ Головин. 1838. С. 68.

написания подобных записок. Существуют десятки воспоминаний британцев о поездках в Санкт-Петербург, Москву и другие регионы Российской империи. Многие из них хранятся в коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге⁴. Особенностью записок британцев о России является высокая степень художественной обработки и публицистичности. В конце XVIII – первой половине XIX в. в Британии существовала своего рода мода на издание травелогов – книг о путешествиях, написанных в виде записок, дневников, писем, мемуаров. Сопоставление моделей и структур описаний, сообщаемых сведений и общего тона повествования позволит не только понять специфику жанра, но и выявить особенности восприятия России в британском обществе. Как верно заметил А. Х. Хуссен: «Если автор намерен опубликовать свои впечатления, то он, по-видимому, непроизвольно будет приспосабливаться к ожиданиям предполагаемой читающей публики»⁵.

В 1980 – 2000-х гг. вышло немало трудов, авторы которых реконструировали и проанализировали французские, немецкие, английские образы России, а также представления россиян о западноевропейских странах⁶. К настоящему времени накоплен огромный фактический материал по проблемам восприятия «своего» и «чужого», механизм складывания образа той или иной страны. Однако по-прежнему остается нерешенным вопрос о том, возможно ли выявить специфику французского / немецкого / английского восприятия, или все же следует говорить об общеевропейской модели; каково соотношение в этом процессе национального и общекультурного. В рамках данной статьи мы лишь наметим эту проблему, очертим ее границы, поскольку для ее решения требуется комплексное компаративное исследование.

Давно ведутся дискуссии о существовании национального характера⁷ и о том, как он проявляется, можно ли по каким-то специфическим чертам (внешности, темпераменту, особенностям восприятия окружающего мира) точно определить национальную принадлежность. В начале 1870-х гг. известный литературовед А. Н. Пыпин писал, что «национальность отражается на произведениях писателя не только в

---

⁴ Лишь небольшая часть из упомянутых книг переведена на русский язык (Письма сестер Вильмот... 1991; Вильсон. 1995; Александер. 2008).

⁵ Хуссен. 2003. С. 326.

⁶ Ерофеев. 1982; Карацуба. 1986; Артемова. 2000; Оболенская. 2000; Бло. 2006.

⁷ Как отметил И. С. Кон, сам термин «национальный характер» «появился первоначально в литературе о путешествиях с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа» (Кон. 1999. С. 304).

смысле известной приметы, местного колорита, физиономии, но кладет на него и более глубокий отпечаток. Соединяя в себе весь характер общественной жизни, господствующих понятий, уровня образованности, национальность прямо и существенно отражается на самом *содержании* (так в тексте. – Е. К.) – большей или меньшей степенью самостоятельности и серьезности мысли»⁸. Французский исследователь М. Кадо отметил, что в первой половине XIX в. национальная точка зрения играла большую роль в отношениях между странами⁹. В. А. Мильчина писала о «матрице европейского восприятия»¹⁰, которая, по ее мнению, полностью сложилась уже к концу 1830-х гг.

Изучением этнических образов и представлений занимается имагология. В России интерес к изучению этнических представлений и образов возник в 1960-е гг.¹¹ В 1990-х гг. внимание к проблемам этничности, взаимовосприятия народов и культур выросло необычайно. Сочинения путешественников являются важными источниками, в которых фиксируется момент столкновения «своего» и «чужого», рождается новый образ той или иной страны. При этом «интерпретации путешественника трактуются как часть детерминированных его культурой представлений или как набор детерминированных традицией и, возможно, отчасти опытом предположений, субъективных мнений и суждений»¹².

При использовании имагологического подхода применительно к рассмотрению проблем этничности существуют определенные ограничения¹³. Попытки выделить специфический национальный характер, национальные черты и особенности, заставляют исследователей нивелировать внутригрупповые разногласия и противоречия, часто игнорировать факторы взаимовлияния культур¹⁴. Например, не вызывает сомнения, что к 1830–1840-м гг. основное направление европейского общественного мнения о России было задано, и стереотипы восприятия

---

⁸ Пытин. 1873. С. 3.

⁹ Cadot. 1967. P. 137.

¹⁰ Мильчина. 2008. С. 716.

¹¹ Подробнее см.: Ерофеев. 1982. С. 7-23.

¹² Хуссен. 2003. С. 327.

¹³ В литературоведении сравнительная имагология пользуется большей популярностью, чем в исторических исследованиях. Литература в таком случае рассматривается как «средство трансляции образов мира из страны в страну, из одной литературы в другую». (Миры образов... 2003. С. 15).

¹⁴ Придерживающиеся данного подхода исследователи признают этот факт, однако указывают на несостоятельность индивидуально-психологического подхода к социальным явлениям. (Кон. 1999. С. 305).

были весьма устойчивы¹⁵. Однако в отдельных западноевропейских странах шла жесткая политическая борьба, наблюдался самый широкий спектр мнений по «русскому вопросу»¹⁶. Личная заинтересованность, уровень образования, наблюдательность и способность составлять собственное представление о том или ином предмете и феномене играли едва ли не определяющую роль в восприятии России иностранцами.

Е. Е. Рычаловский обратил внимание, что при чтении работ о восприятии иностранцами России часто «создается впечатление, что Россия и русское общество были в гораздо большей степени открыты для Европы, последняя же оставалась маловосприимчивой по отношению к восточному соседу»¹⁷. Т. Л. Лабутина обвиняет английских путешественников XVI–XVII вв. в том, что они намеренно уделяли недостаточно внимания русской культуре; именно этим, по ее мнению, объясняется формирование стереотипа «русского варвара»¹⁸. Выдвигая на первый план идеологическую составляющую восприятия британцами России, она недооценивает значение психологических особенностей восприятия «чужой» культуры, не различает акт знакомства иностранцев со страной и литературные труды, написанные по результатам поездки.

Занимаясь проблемами межэтнического взаимодействия и взаимовлияния, важно учитывать факторы, которые могли так или иначе влиять на формирование образа России у иностранцев. Препятствием к этому служит комплекс «иностранности» (термин С. В. Чугурова), в соответствии с которым «иностранец – не только человек из другой страны, но сам он – “иной”, “странный”». Попадая в другую страну, человек начинает разделять все на «“знакомое” и “незнакомое”, разбрасывая [их] в противоположные стороны, “подобно костяшкам на счетах”»¹⁹; при этом он воспринимает знакомое, «свое», позитивно, а незнакомое, «чужое», враждебно. Поэтому иностранцев так легко объединить в единую группу, воспринимать их не как «лорда такого-то» или «леди такую-то», а как иностранцев или, уже, британцев, французов, немцев. В 1830-х гг., по замечанию государственного секретаря барона М. А. Корфа, всех иноземцев, а точнее иноверцев, в России называли немцами²⁰.

¹⁵ Артемова. 2000. С. 206.

¹⁶ Например, об оценках разными политическими группами в британском обществе событий войны 1812 г. см.: Anderson. 1958. P. 215-232.

¹⁷ Рычаловский. 2008. С. 88.

¹⁸ Лабутина. 2009. С. 23.

¹⁹ Чугуров. 1993. С. 46-47.

²⁰ Корф. 2010. С. 271.

Мы разделяем мнение С. В. Оболенской о том, что «“национальный характер” есть, в сущности, стереотип восприятия “чужих”, сложившийся в раннее Новое время, когда возникло представление о делении людей по национальному признаку», это «предрассудки в широком смысле слова»²¹. Выделить определенные национальные особенности восприятия практически невозможно, поскольку «имел место сложный комплекс идеологических клише, национальных стереотипов и прочего, в котором играли роль национальное, конфессиональное и социальное самосознание (identity), личный опыт того или иного иностранца»²².

Изучая британскую специфику тревелогов первой половины XIX в., следует прежде всего анализировать особенности социальной, политической и культурной среды, в которой писались эти сочинения. В то же время накладывали существенный отпечаток на каждое произведение субъективные факторы (воспитание, образование, политические взгляды, возраст и т.д.), поэтому убеждения и оценки авторов сочинений одной национальности могут быть прямо противоположными.

По признанию современных исследователей, «“создание современного туризма” было длительным процессом, корни которого лежат в культурной и интеллектуальной, экономической и социальной истории Британии»²³. Стремление Туманного Альбиона к политической гегемонии и новым экономическим приобретениям являлось стимулом для подданных английской короны посещать незнакомые страны, разведывать новые территории, сравнивать дальние края со своей родиной. Немецкий историк Х. Квадфлиг, изучающая путешествия британцев в раннее Новое время, писала, что уже в XVI–XVII вв. «Англия всегда становилась отправной точкой в их описаниях, не важно, что они описывали, и сравнения по большей части были в пользу Англии»²⁴.

«Путешествия» могли служить целям внешней политики и дипломатии. Часто опубликование воспоминаний или впечатлений о поездке являлось лишь поводом выразить свое отношение к тому или иному политическому вопросу. В конце 1820-х – 1830-е гг. отношения России и Османской империи вызывали озабоченность западноевропейских держав. Русско-турецкая война 1828–29 гг. и последующее подписание Адрианопольского мирного договора (1829) и Ункяр-Искелесийского

---

²¹ Оболенская. 2000. С. 199.

²² Рычаловский. 2008. С. 89.

²³ Berghoff, Korte. 2002. P. 4.

²⁴ Quadflieg. P. 34.

соглашения (1833), которые расширили торговые и военные связи двух стран, давали повод говорить о том, что укрепление Российской империи на востоке свидетельствует о ее агрессивных намерениях и представляет угрозу владениям европейских государств. Именно в этот период в Лондоне вышло множество книг о поездках на Кавказ, в Крым, на Балканы. Например, сочинения Дж. Александера и Т. Алкока, которые посетили Россию и Балканский полуостров во время русско-турецкой войны, Э. Мортон, Э. Спенсера, Р. Уилбрэхэма, А. Слэйда²⁵. В то время, «когда все взоры обращены к востоку, когда активная демонстрация завуалированного неприятия Россией Англии проявилась в захвате британского торгового судна (речь идет об инциденте со шхуной «Виксен» в 1836 г. - *Е. К.*), когда общественное мнение занимает тема войны на Кавказе и прав России как суверена, основанных на Адрианопольском договоре»²⁶, британцы считали долгом не просто посетить места военных действий, но и опубликовать свои воспоминания, чтобы познакомить соотечественников с реальной ситуацией, раскрыть «тайные» планы российского правительства к совершению внешней агрессии и нарушению мира в Европе и Азии.

Автор обзора иностранных сочинений о России в *London Quarterly Review* («Лондонском ежеквартальном обозрении») за 1841 г. утверждал, что «немногие путешественники покидают великолепную столицу, Санкт-Петербург, не написав о ней труда»²⁷. Хотя Россия в XIX в. часто представлялась «самой странной и интересной страной в Европе»²⁸, к этому времени уже существовало множество книг, авторы которых подробно описывали свое пребывание в этой стране. Дж. Бузард, рассматривая феномен путешествия по Европе, писал, что в XIX в. авторы травелогов уже не могли пройти мимо огромного массива литературы, в которой во всех подробностях были описаны многие страны и конкретные маршруты. Британский исследователь отметил, что в Великобритании XVIII–XIX вв. путешествия и чтение рассматривались как дополняющие друг друга элементы. Происходил циклический «ритуальный» процесс, когда «читатели формировали свои ожидания и оживляли в памяти свои прошлые путешествия через чтение текстов»²⁹.

---

²⁵ Александр. 2008. (книга впервые вышла в Лондоне в 1830 г.); Alcock. 1831; Morton. 1830; Spencer. 1838; Wilbraham. 1839; Slade. 1840.

²⁶ Spencer. 1838. P. I.

²⁷ Tours in the Russian Provinces. 1841. P. 186.

²⁸ Coghlan. 1836. P. 4.

²⁹ Buzard. 1993. P. 160.

Л. Ритчи, решивший издать книгу о своей поездке, в предисловии констатировал: «Россия – это страна, о которой высказано множество противоречивых суждений»³⁰. А К. Фрэнклэнд, посетивший Россию в 1830–31 гг., во введении к своему сочинению просил прощения за то, что не привел подробного описания Петербурга. Он аргументировал это тем, что «Доктор Гренвилл уже все сказал и описал, его книга охватывает все темы», и утверждал, что его собственная работа будет лишь жалкой попыткой следовать по стопам Гренвилла³¹. Дж. Э. Александер также подчеркивал, что «после появления на свет основательного труда Гренвилля подобное описание (детальное описание церквей, дворцов и общественных зданий Петербурга. – Е. К.) выглядело бы <...> слишком самонадеянным»³². Двухтомное сочинение побывавшего в России в 1827 г. британского врача А. Б. Гренвилла³³ пользовалось большой популярностью. В нем детально описывался Петербург: город, здания, достопримечательности, магазины, быт, образование и т.д. Написать что-то новое о Петербурге (помимо разве что частных эпизодов, событий, происшествий) после этой книги было сложно³⁴. Помимо книги Гренвилла, популярностью в 1830–40-х гг. пользовались сочинения капитана Джонса, Э. Кларка, Дж. Холмана, Дж. Кохрэна, Дж. Бэрроу³⁵. Из-за этого обилия более или менее подробных сочинений о России перед авторами новых травелогов в XIX в. вставали две проблемы: первая – объяснение актуальности публикации собственной работы; вторая – необходимость высказывания оригинальных идей. Впрочем, во многом эта особенность объяснялась существующим трафаретом для написания травелогов.

Все авторы старались объяснить, почему они решили опубликовать свой труд. Одни обращались к важным вопросам внешней политики и ценность своих книг видели в том, чтобы дать читателю *достоверную* информацию, в отличие от той, которая распространялась сознательно участниками событий. Другие подчеркивали уникальность собственных наблюдений. Так, Р. Венаблз утверждал, что опубликовал воспоминания

---

³⁰ *Ritchie*. 1836. P. III.

³¹ *Frankland*. 1832. P. V.

³² *Александер*. 2008. С. 39.

³³ *Granville*. 1828. Vols. I, II.

³⁴ Во многих книгах о путешествиях в Россию, вышедших в 1830–1850-е гг., есть ссылки на труд А. Б. Гренвилла: *Александер*. 2008. С. 39; *Ramble*. 1836. P. 20–21, 68; *Paul*. 1836. P. 37–38. Следует также учитывать, что весьма распространено было цитирование без ссылок на источник сведений.

³⁵ *Jones*. 1827. Vols. I, II; *Clarke*. 1810; *Holman*. 1825. Vols. I, II; *Cochrane*. 1824. Vols. I, II; *Barrow*. 1834.

потому, что большую часть времени он провел во внутренних губерниях России (в Ярославле, Тамбове), в то время как большинство авторов предпочитали описывать Санкт-Петербург и Москву³⁶. Ч. Эллиотт своими заметками хотел привлечь внимание соотечественников к красотам природы стран Скандинавии и России³⁷. Л. Ритчи оправдывал издание книги тем, что в его сочинении преобладают конкретные факты, а не пространственные рассуждения, характерные для «путешествий» того времени³⁸. Указание на уникальность, необычность и привлекательность для читателей того или иного труда являлось непременным атрибутом всех британских тревелогов рассматриваемого периода.

Несмотря на большое число книг о Российской империи, для англичан эта страна во многом оставалась *terra incognita*. Б. Долэн отметил, что британцы во второй половине XVIII в. располагали довольно скудными сведениями о географии, природе, населении России, поэтому черпали информацию главным образом из географических и естественнонаучных трудов немецких авторов³⁹, широкой популярностью пользовались труды Г. Ф. Миллера, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. Г. Георги⁴⁰. Некоторые путешественники сетовали, что российские власти считают любые точные сведения о климате, почвах, социальной системе, армии, флоте секретными и тщательно их скрывают⁴¹. Однако, вероятно, главной причиной, скорее, было нелюбопытство самих британцев. Английский инженер С. Бентам, который в 1780 г. посетил Россию, был поражен тем, что его соотечественники, живущие в Санкт-Петербурге, «ненавидят все русское и не знают ничего о стране и народе, кроме сведений, почерпнутых ими в английских газетах, издаваемых петербургской интеллигенцией»⁴². Р. Венаблз в своем сочинении пересказал анекдот об англичанах, который он услышал в России. Некий джентльмен страстно хотел приехать в Петербург лишь для того, чтобы осмотреть Летний сад, о красотах которого много слышал. По воде он доплыл до интересующего объекта, внимательно осмотрел его и отправился обратно на родину, даже не сойдя на русскую землю⁴³.

---

³⁶ *Venables*. 1839. P. III.

³⁷ *Elliott*. 1832. P. V-VI.

³⁸ *Ritchie*. 1836. P. III-IV.

³⁹ *Dolan*. 2000. P. 76-77.

⁴⁰ *Уортман*. 2004. С. 33-60.

⁴¹ *Dolan*. 2000. P. 77.

⁴² *Ibid*. P. 89.

⁴³ *Venables*. 1839. P. 13.

Склонность британцев к изоляционизму можно, по-видимому, объяснить особенностями островной психологии. В. П. Шестаков писал: «...то, что происходит по ту сторону Ла-Манша, воспринимается англичанами как нечто происходящее по другую сторону культуры и цивилизации»⁴⁴. На континенте, и тем более в далекой России, подданных британской короны интересовали главным образом отдельные достопримечательности, о которых они уже слышали или читали в книгах, написанных преимущественно их соотечественниками. Кроме того, по замечанию А. В. Павловской, британцы в России жили «обособленной колонией, часто не знали языка, по стране практически не путешествовали и пользовались, главным образом, разнообразными слухами»⁴⁵.

Впрочем, уже в XIX в. в Петербурге и Москве сами русские воспринимали британцев как больших оригиналов и чудаков. В «Дневнике писателя» за 1877 г. Ф. М. Достоевский признавался: «В нас как бы укрепилась с детства вера <...>, что всякий англичанин чудак и эксцентрик»⁴⁶. Аристократ и известный библиофил М. Н. Похвиснев, отправившись в 1847 г. за границу, на пароходе встретил человека, в котором «без труда узнал <...> англичанина»: это был «седенький, с румянными щеками, в сером сюртуке, чопорный человечек, в дикой шляпе, очень молчаливый и очень улыбающийся». Он одет «как в броню, в свое эксцентрическое пальто, или перевитый шотландским plaid'ом, руки в карманы, он гордо расхаживает себе по палубе, не взирая на дождь и ветер, и кидает кругом презрительные взгляды, издавая по временам сквозь зубы что-то вроде свиста, называемое английским языком»⁴⁷. Публицист Н. И. Греч удивлялся: все англичане – «поклонники и рабы моды»; они стремятся «отличиться от толпы, показать, что они принадлежат к высшему кругу общества»⁴⁸, и это заставляет их вести себя весьма эксцентрично и экстравагантно. В силу многих, главным образом культурных, причин подобное отношение не могло быть демонстративным и часто оставалось незамеченным непрозорливыми иностранцами. Но, безусловно, дистанция в отношениях являлась одной из причин того, что при написании воспоминаний англичане обращались не к собственным наблюдениям, а к тем мнениям, которые бытовали в английском обществе или среди иностранцев, постоянно живущих в Петербурге.

---

⁴⁴ Шестаков. 2000. С. 94.

⁴⁵ Павловская. 1996. С. 145.

⁴⁶ Достоевский. 1984. С. 71.

⁴⁷ Похвиснев. 1910. С. 405-406.

⁴⁸ Греч. 1839. Ч. 1. С. 166.

Нельзя утверждать, что британцев вовсе не занимали особенности российского социально-политического строя. Скорее эта информация была значимой лишь с точки зрения сопоставления с британской действительностью. Многое оценивалось с позиции: «А у нас в Великобритании...». Британский офицер Р. Вильсон «был поражен, встретив в “la petite Russie” столь же большое население и не менее возделанную землю, чем почти в любой английской провинции»⁴⁹. Он также заметил, что усадьба графа Ф. В. Ростопчина в Московской губернии «не уступает по красоте пейзажа и расположения вод и дерев любому поместью в британских владениях»⁵⁰. Р. Сандерсон, побывавший в России в середине 1820-х гг., писал, что дружба русских, «которую гораздо легче приобрести, нежели нашу, оказывается не столь прочна и надежна»⁵¹. Даже тюремные заведения напоминали англичанам «некоторые лондонские тюрьмы, но заключенные находятся здесь в более близком между собой общении»⁵². Жителю Лондона казалось, что Нева – «широкая и величественная река, такая же широкая как Темза, только в сотню раз красивее»⁵³. А вот «петербургские магазины не столь приметны, как лондонские, не столь богат в них и выбор товаров»⁵⁴. Жившая долгое время в России М. Вильмот, писала, что «у наших народов поразительно много общих черт», и сравнила русских крестьян с английскими Пэдди (обобщенный образ крестьянина), поскольку у тех и других «сходны воскресные развлечения у дверей своего жилища, да и музыка похожа»⁵⁵.

По замечанию П. С. Куприянова, использование «своего» как инструмента познания «чужой» культуры является характерным приемом для авторов «путешествий» вне зависимости от их национальной принадлежности и времени написания текста. Передача инокультурных реалий посредством аналогий объясняется особенностями человеческого восприятия: «Стремление “сделать понятным” то или иное явление, заставляет “ставить его рядом” с хорошо известным феноменом»⁵⁶.

А. Мончак подошел к сравнениям, сопоставлениям и метафорам в записках путешественников более конкретно, показав, что разные сис-

⁴⁹ Речь идет о районе Смоленска. Вильсон. 1995. С. 47.

⁵⁰ Там же. С. 59.

⁵¹ Английский путешественник в России... 1902. С. 576.

⁵² Записки квакера... 1874. С. 4.

⁵³ Ritchie. 1836. P. 62.

⁵⁴ Александр. 2008. С. 41.

⁵⁵ Письма сестер Вильмот... 1991. С. 300.

⁵⁶ Куприянов. 2010. С. 29.

темы мер, весов, расстояния часто становились проблемой для авторов «путешествий»⁵⁷. Использование абсолютных величин во многих случаях требовало пояснений. Л. Ритчи признавал, что в России чай намного лучше, но и цена на него намного выше, «самая низкая цена – десять или двенадцать рублей за фунт, – а российский фунт меньше, чем английский»⁵⁸. Получается, что стоимость чая в российской столице приближалась к одной гинее (двадцати одному шиллингу), а в Лондоне цена этого напитка составляла обычно пять-семь шиллингов. Дело было не в том, что в Великобританию завозили худшие сорта чая, а в том, что в Петербурге не были широко распространены более дешевые сорта.

Разница во времени и датах была еще более сложной проблемой для путников; она заставляла британцев сильнее ощущать свою инаковость в России. Ф. Коглан писал, что даже «через два дня после прибытия (в Санкт-Петербург. – Е. К.) я с трудом мог поверить, что это случилось, что я действительно находился в этом царственном (Imperial) городе»⁵⁹, поскольку оказалось, что путешественник покинул Лондон пятого сентября, а в Петербург прибыл третьего числа того же месяца. В России действовал юлианский календарь, в то время как практически во всех европейских государствах придерживались григорианского. Разница в датах между двумя календарями в XIX в. составляла двенадцать суток. В Великобритании старый стиль (то есть юлианский календарь) действовал вплоть до 1752 г. Тем не менее, для английских путешественников в XIX в. эта разница календарей оказывалась существенным фактором, затрудняющим быструю адаптацию в русском обществе⁶⁰.

Обратим внимание еще на один фактор, определявший впечатление, которое на британцев производило посещение России. В XIX в. немногие англичане занимались изучением русского языка. Одной из причин было то, что «до половины XIX в. в Англии почти вовсе не имелось никаких необходимых руководств для изучения русской речи, – словарей, грамматик, учебных пособий»⁶¹.

Англичане в России часто вращались исключительно в аристократической или же в купеческой среде, незнание русского языка лишало их возможности общения с простолюдинами. Желая посетить Петергоф, Дж. Блумфильд с удивлением обнаружила, что в качестве проводников

---

⁵⁷ *Mączak*. 1995. P. 254.

⁵⁸ *Ritchie*. 1836. P. 169.

⁵⁹ *Coghlan*. 1836. P. 72.

⁶⁰ *Black*. 2003. P. XII.

⁶¹ *Алексеев*. 1944. С. 127.

она и ее спутники «могли найти только рабочих, которых не могли понимать»⁶². Офицер Р. Вильсон взял с собой из Англии господина Вибёрна «из-за его знания языков» и «не имел причины сожалеть об этом»⁶³. М. Вильмот выражала свое недовольство тем, что «русские часто собираются группами, шепчутся или говорят на родном языке, хотя свободно могли бы объясняться по-французски»⁶⁴. Незнание языка не только ограничивало круг общения англичан в России, но и предопределяло то, что путешественники видели Россию глазами своих соотечественников, либо русских аристократов, то есть тех людей, с которыми непосредственно общались. Впрочем, уже в 1829 г. в Москве было выпущено «Руководство для английских путешественников в России». Помимо разного рода справочной информации (указателя дорог, кратких исторических и географических сведений о главных городах России, таблиц российской валюты и соотношения русских и английских мер и весов) в руководство входил и довольно большой словарь⁶⁵, чтобы англичане могли выразить свои намерения, объяснить что-то человеку, говорящему исключительно на русском, с помощью одного-двух слов⁶⁶. Сложно представить, однако, чтобы подобный разговорник мог существенно облегчить иностранцу коммуникацию.

Изложенные факты позволяют говорить о складывании во второй четверти XIX в. традиции написания британских травелогов о России. Фактор национальности в данном случае влиял не столько на восприятие подданными английской короны России и русских, во многом близкое общеевропейской модели, сколько на способ подачи материала. Путешественники вписывали собственные наблюдения о России в определенный политический, экономический, социальный и культурный контекст. Сведения о «чужой» стране представляли интерес только в сопоставлении со «своей», британской, действительностью. Поэтому, несмотря на публикацию в конце XVIII–XIX вв. большого количества сочинений о Российской империи, эта страна оставалась для многих жителей Туманного Альбиона *terra incognita*. Не случайно М. Н. Похвиснев писал в 1847 г.: «Нынче мода на Россию, хотя нас и бранят, однако нами занимаются, – доказательство, что мы народ интересный!»⁶⁷.

---

⁶² Из воспоминаний леди Блумфильд. 1899. С. 240.

⁶³ Вильсон. 1995. С. 43.

⁶⁴ Письма сестер Вильмот... 1991. С. 258.

⁶⁵ A Manual for the Use of English Travellers in Russia. 1829. P. 40-90.

⁶⁶ Ibid. P. 3.

⁶⁷ Похвиснев. 1910. С. 413.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр Дж. Россия глазами иностранца. М.: Аграф, 2008. 304 с.
- Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1944. Вып. 9. № 72. С. 77–137.
- Английский путешественник в России и его мнение о русском обществе (1826 и 1827 гг.) / Сообщил И. С. Шукшинцев // Русская старина. 1902. № 6. С. 575–578.
- Артемова Е. Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М.: ИРИ РАН, 2000. 256 с.
- Бло Ж. Французский взгляд на Петербург / Пер. с фр. А. Ю. Беспятых // Феномен Петербурга. СПб.: БЛИЦ, 2006. С. 148–155.
- Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 312 с.
- Головин И. Путешественник нашего времени // Сын Отечества: Журнал словесности, истории и политики. 1838. Т. 5. Сентябрь - октябрь. С. 56–80.
- Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции, Николая Греча. СПб.: В Типографии Н. Греча, 1839. Ч. 1. 254 с.
- Гуминский В. М. Открытие мира или путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л.: Наука, 1984. Т. 26. Дневник писателя: 1877. Сентябрь - декабрь. 1881. Август. С. 5–128.
- Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Записки квакера о пребывании в России 1818–1819 гг.: Дневник Греллэ-де-Мобилье / Прим. и коммент. И. Осинина // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 1–36.
- Из воспоминаний леди Блумфильд / Пер. с англ. и вступ. ст. Ф. Гогель // Русский архив. 1899. № 6. С. 219–241.
- Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М.: Рубежи XXI, 2010. 567 с.
- Карацуба И. В. Россия последней трети XVIII – начала XIX в. в восприятии английских современников: Автореферат дисс.... к.и.н. М., 1986. 24 с.
- Кон И. С. Социологическая психология. М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 555 с.
- Курпьянов П. С. Свое и чужое в русском заграничном путешествии начала XIX века // Российская история. 2010. № 5. С. 27–38.
- Лабутина Т. Л. Представления британцев о русском народе в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13–25.
- Мильчина В. А. Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Мильчина В. А., Осват А. Л. Комментарий к книге Астоляфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб.: Крига, 2008. С. 709–725.
- Миры образов – образы мира: Справочник по имагологии / Пер. с нем. М. И. Логвинова, Н.В. Бутковой. 2-е изд., доп. Волгоград: Перемена, 2003. 94 с.
- Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.
- Павловская А. В. Пореформенная Россия глазами современников-англичан // Россия и Европа в XIX–XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: МГУ, 1996. С. 428–441.

- Письма сестер Вильмот из России // Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. 2-е изд. М.: Сов. Россия, 1991. С. 245–510.
- Похвиснева М. Н.* Путешествие за границу М. Н. Похвиснева 1847 года // Шукинский сборник. М.: Синодальная типография, 1910. Вып. 9. С. 384–433.
- Пытин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1873. 514 с.
- Рычаловский Е. Е.* Представления иностранцев о русских политических реалиях и практика процессов по государственным преступлениям в елизаветинское время // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 88–98.
- Уортман Р.* Записки о путешествиях и европейская идентичность России / Авторизованный пер. М. Д. Долбилова // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж: Издательство ВГУ, 2004. С. 33–60.
- Хуссен А. Х.* Хеммо Дейкем – агроном из Гронингена и путешественник по России в 1840–1842 гг. // Нидерландцы и Северная Россия. СПб.: БЛИЦ, 2003. С. 325–336.
- Чугуров С. В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 41–53.
- Шестаков В. П.* Английский национальный характер и его восприятие в России // Россия и Запад: Диалог или столкновение культур. М.: РИК, 2000. С. 85–118.
- Alcock Th.* Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece, in 1828–9. London: Printed by E. Clarke and Son, 1831. 228 p.
- Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia 1553–1815. London: Macmillan & Co. Ltd.; New York: St. Martin's Press, 1958. 245 p.
- Barrow J.* Excursions in the North of Europe, through Parts of Russia, Finland, Sweden, Denmark and Norway, in the Years 1830 and 1833. L.: John Murray, 1834. 380 p.
- Berghoff H., Korte B.* Britain and the Making of Modern Tourism: An Interdisciplinary Approach // The Making of Modern Tourism: The Cultural History of the British Experience: 1600–2000. New York: Palgrave, 2002. P. 1–19.
- Black J.* France and the Grand Tour. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 234 p.
- Buzard J.* The Beaten Track: European Tourism, Literature, and the Ways to Culture: 1800–1918. Oxford: Clarendon Press, 1993. 357 p.
- Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris: Fayard, 1967. 645 p.
- Clarke E.G.* Travels in Various Countries: Europe, Asia and Africa. Part 1. Russia, Tartary and Turkey. London: For T. Cadell and W. Davis Strand, 1810. 760 p.
- Coghlan F.* A Guide to St. Petersburg & Moscow, by Hamburg, Lubeck, Travemunde, and by Steampacket, Across the Baltic to Cronstadt; Fully Detailing Every Form and Expense From London-Bridge to St. Petersburg; From an Actual Visit in the Autumn of 1835. London: J.L. Cox and Sons, 1836. 269 p.
- Cochrane J.D.* Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka. London: Printed for Charles Knight, 1824. Vols. I, II. 428, 344 p.
- Dolan B.* Exploring European Frontiers: British Travellers in the Age of Enlightenment. London: Palgrave Macmillan, 2000. 248 p.

- Elliott Ch.B.* Letters from the North of Europe; or a Journal of Travels in Holland, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Russia, Prussia, and Saxony. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1832. 475 p.
- Frankland C.C.* Narrative of a Visit to the Courts of Russia and Sweden, in the Years 1830 and 1831. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1832. Vol. I. 400 p.
- Granville A.B.* St. Petersburg: A Journal of Travels To and From Capital: Through Flanders, the Rhenish Provinces, Prussia, Russia, Poland, Silesia, Saxony, the Federated States of Germany and France. London: Henry Colburn, 1828. Vols. I, II. 582, 743 p.
- Holman J.* Travels through Russia, Siberia, Poland, Austria, Saxony, Prussia, Hanover etc. Undertaken during the Years 1822, 1823 and 1824, While Suffering from Total Blindness, and Comprising an Account of the Author Being Conducted a State Prisoner from the Eastern Parts of Siberia. L.: Pr. for Geo.B. Whittaker, 1825. V. I-II. 408, 383 p.
- Jones G.M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; Also on the Coasts of the Sea of Azof and of the Black Sea: With a Review of the Trade in Those Seas, and of the Systems Adopted to Man the Fleets of the Different Powers of Europe, Compared with That of England. London: John Murray, 1827. Vols. I, II. 584, 596 p.
- Maćczak A.* Travel in Early Modern Europe. Cambridge: Polity Press, 1995. 357 p.
- A Manual for the Use of English Travellers in Russia.* Moscow: Printed by Auguste Semen, 1829. 120 p.
- Morton E.* Travels in Russia, and a Residence at St. Petersburg and Odessa, in the Years 1827–1829; Intended to Give Some Account of Russia as It Is, and Not as It Is Presented to Be, &c. &c. London: Longman, 1830. 486 p.
- Paul R.* Journal of a Tour to Moscow, in the Summer of 1836. London: Simpkin, Marshall and Co.; Wittaker and Co., 1836. 238 p.
- Quadflieg H.* Approved Civilities and the Fruits of Peregrination: Elizabethan and Jacobean Travellers and the Making of Englishness // The Making of Modern Tourism: The Cultural History of the British Experience: 1600–2000. N.Y.: Palgrave, 2002. P. 21–46.
- Ramble R.* Travelling Opinion and Sketches in Russia and Poland. London: Pall-Mall East, 1836. 305 p.
- Ritchie L.* A Journey to St. Petersburg and Moscow through Courland and Livonia. London: Longman, 1836. 256 p.
- Slade A.* Travels in Germany and Russia Including a Steam Voyage by the Danube and the Euxine from Vienna to Constantinople, in 1838–39. London: Longman, 1840. 512 p.
- Spencer E.* Travels in The Western Caucasus, Including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silestia, and Moravia, in 1836. Vols. I, II. London: Henry Colburn, 1838. 358, 374 p.
- Tours in the Russian Provinces // The London Quarterly Review. 1841. March. Vol. LXVII. P. 185–202.
- Venables R.L.* Domestic Scenes in Russia: In a Series of Letters Describing a Year's Residence in That Country, Chiefly in the Interior. London: John Murray, 1839. 348 p.
- Wilbraham R.* Travels in the Trans-Caucasian Provinces of Russia, and Along the Southern Shore of the Lakes of Van and Urumiah, in the Autumn and Winter of 1837. London: John Murray, 1839. 477 p.
- Кулакова Елена Александровна**, соискатель Санкт-Петербургского института истории РАН, e-mail: kulaelena@yandex.ru